

ДЕНИС СИВКОВ

Остров «Англия» как утопический проект социальной антропологии.

Рецензия на книгу: Дж. Барнс.
Англия, Англия. М.: Эксмо; СПб.:
Домино, 2012.

То, что презентуется как размышления о политике, является в действительности фундаментальной рефлексией над правилами функционирования человеческих зоопарков. Если и имеется заслуживающее того, чтобы быть выраженным в философских размышлениях, достоинство человека, то прежде всего вследствие того, что человек в политических тематических парках не только содержится, но и сам себя в них содержит. Люди — это заботящиеся о себе, оберегающие себя существа, которые — там, где они постоянно живут, — создают вокруг себя парковую территорию. В городских парках, национальных парках, кантональных парках, экопарках — повсюду люди должны формировать представление о том, как следует регулировать их самосодержание.

217

Петер Слотердайк «Правила для человеческого зоопарка»

«НЕ ПРОСТО ОТДЫХ, НЕ ПРОСТО ОСТРОВ!»
слоган проекта «Англия, Англия»

В романе английского писателя Джулиана Барнса «Англия, Англия» описывается утопическое корпоративное образование — гибрид музея и туристического парка. Транснациональная корпорация «Питко» во главе с одиозным предпринимателем сэром Джеком Питменом приобретает остров Уайт и превращает его сначала в аттракцион, а затем в альтернативную Англию. «Питко» создает в миниатюре страну, обладающую основными признаками английскости, исходя из исследований общественного мнения. Выражение «Англия, Англия» — адрес утопии: «Адм. обл. — Англия, страна — Англия» [Барнс, 2012, с. 247]. Вес аттракциону придает пе-

Сивков Денис Юрьевич, доцент кафедры философии и социологии ВФ РАНХиГС. кандидат философских наук. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com. Denis Sivkov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and sociology, Volgograd Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

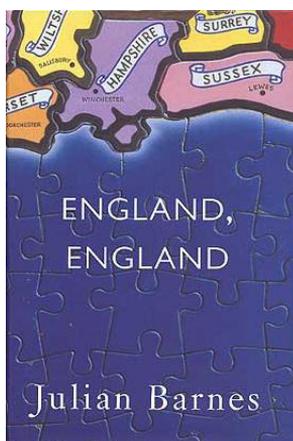
ребравшаяся на Уайт английская монархия. Постепенно остров из чисто экономического проекта превращается в независимое государство, интерес мирового сообщества смещается с большого острова на маленький, и старая добрая Англия приходит в упадок. Главный герой романа Марта Кокрейн — женщина средних лет, которая пытается найти счастье на фоне описываемых событий. Кульминация произведения — Марта руководит проектом. После провала и изгнания героиня отправляется доживать свой век в старую Англию.

Книга состоит из трех неравных частей. В первой части «Англия» (England) в качестве пролога описываются детские воспоминания Марты, во второй части «Англия, Англия» (England, England) рассказывается собственно история утопического проекта, а третья «Ингленд» (Anglia) — эпилог, где описывается жизнь людей как «возвращение к корням» в старой Англии.

218

Может показаться, что главной проблемой романа является постмодернистский вопрос о соотношении копии и оригинала, подлинного и фэйкового, естественного и искусственного, реального и сконструированного в том смысле, что остров, копия настоящей Англии, начинает жить собственной жизнью. Однако Барнс здесь намного тоньше и ироничнее, чем постмодернисты; он показывает, что сам по себе этот набор различий проблематичен. Автор скорее иронизирует по поводу позиции французского интеллектуала, выступавшего перед Координационным советом проекта: «В наши дни мы предпочитаем копию подлиннику. Репродукцию произведения искусства мы предпочитаем самому этому произведению искусства, идеальный звук и уединение компакт-диска — симфоническому концерту в обществе тысячи больных ОРЗ, книгу на аудиокассете — книге на коленях» [Там же, с. 79].

В «Англии, Англии» реальность и конструкция относительны: они и противоречат, и дополняют друг друга. Марта утверждает, что детские воспоминания не могут быть подлинными, они сконструированы из рассказов взрослых и более поздних событий, и в тоже время сама требует, чтобы ее отец помнил якобы случившееся событие, когда он бросил Марту и ее мать. Поддельный остров с актерами и бутафорией может стать легитимным аттракционом только тогда, когда туда переедет настоящая королевская семья и футбольный клуб «Манчестер Юнайтед». Настоящим англичанином, изобретателем и хранителем архаичных английских традиций в пост-Англии является Джек Харрис, который «ранее был Джеком Ошински, младшим юрисконсультом одной американской фирмы по производству электроники» [Там же, с. 333], а не мистер Малин — местный учитель и хранитель «литературы по мифам и легендам».

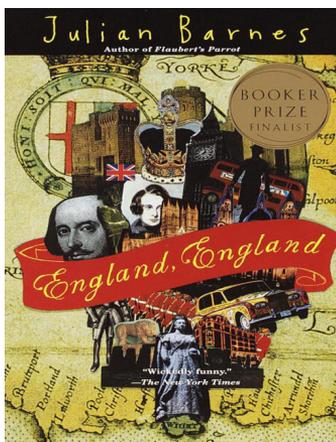
Идеи Барнса больше коррелируют с тематикой STS и ANT, чем с постструктурализмом Деррида и Бодрийяра. Речь идет о гетеротопной и гетерохропной конструкции сообщества, собранной из разнородных пространственных и темпоральных объектов с разным градиентом сопротивления. Книга начинается с мощной конструктивистской метафоры. В детстве Марта Кокрейн часто собирала с родителями пазл «Графства Англии». В соответствии с традицией пазлостроения после сборки конструкция представляется гомогенной, а швы остаются в слепом пятне. При незначительном смещении перспективы конструкция становится совокупностью швов, а ее гомогенность уходит на второй план. Таким образом, роман «Англия, Англия» посвящен проблематизации конструкции английской идентичности посредством выявления швов — хрупких и нестабильных соединений акторов. Это главный прием, который использует Барнс, чтобы показать соположение несовместимого, риторическая фигура перечисления. Вот, например, одно из описаний острова как противоречивой и неполной гетеротопии: «Все было на месте: Биг-Бен в половинную величину, могилы Шекспира и принцессы Дианы, Робин Гуд и его веселые стрелки в Шервудском лесу и меловые утесы — в Дувре-2; черные лондонские такси, озаряя фарами лондонский туман, сновали между глостерширскими деревеньками, где под каждой соломенной крышей можно было выпить чаю со сливками по-девонширски; имелись „Битва за Британию“, крикет, пабы, оборудованные для игры в кегли, Алиса в Стране чудес, газета „Таймс“ и Сто один далматинец. Мемориальный пруд имени супруги Стэпкула вырыли заново и обсадили плакучими ивами. Бифитеров научили подавать „Великий Английский Завтрак“; доктор Джонсон учил текст программы „Обед в Чеширском сыре“; а тысяча малиновок постепенно акклиматизировалась к вечным снегам. Команде „Ман-

честер Юнайтед“ предстояло принимать всех своих зарубежных соперников на „Островном Уэмбли“; непосредственно после игры матчи будут повторятся в Манчестере командой-дублером, обязательно с тем же результатом. Ни одного члена парламента заполучить не удалось; но нанятые вместо них актеры были совсем как настоящие. Собрание Национальной галереи развесили и покрыли патиной времени. Наличествовали родина семейства Бронте, дом Джейн Остин, первобытный лес с исконной фауной Англии, мюзик-холл, пудинги, исполнители танца „моррис“ и сельской чечетки, Королевская шекспировская труппа, Стоунхендж, прямые спины, шляпы-котелки, кабельная сеть для показа классических телесериалов, здания в стиле „фахверк“, красные автобусы, восемьдесят сортов теплого пива, Шерлок Холмс — и Нелл Гвинн, чья внешность отметала все слухи о педофилии. Недоставало только Бук-хауса...» [Там же, с. 198 — 199].

220

В том же ключе Барнс, будто последователь Джона Урри, Брюно Латура и Филиппа Дескола, показывает глазами сэра Джека, что нет такой естественной системы, как природа, — это конструктор, состоящий из различных компонентов, сделанных и собранных в разное время: «На днях я стоял на холме и смотрел на поле, спускавшееся уступами к реке мимо рощи, и в это время прямо у меня под ногами закопошился фазан. Вы, проезжая в автомобиле, несомненно, пришли бы к выводу, что все это — неприкосновенное творение Ее Естественности Матушки Природы. Но я, Марк, осведомлен шире. Холм? Погребальный курган железного века. Поле — атавизм саксонского сельского хозяйства, роща стала рощей только после того, как были вырублены сотни других деревьев, река на самом деле — канал, а фазана вырастил — чуть ли не сам высидел егерь. Мы все переделываем, Марк, — деревья, растения, животных. Продолжим нашу экскурсию. Озеро, которое виднеется на горизонте, — это водохранилище; но когда оно просуществует несколько лет, когда в нем заведется рыба, когда его включают в свой маршрут перелетные птицы, когда деревья обживут берега, а по глади вод примутся снова все красивые лодчонки, когда все это произойдет, оно станет вполне нормальным озером, неужели не ясно? Теперь оно — стопроцентный натуральный продукт» [Там же, с. 90].

Гомогенный, казалось бы, ландшафт распадается на множество объектов; фрагмент «природы» здесь или где-то еще — гибрид природного и культурного. Социальная гетеротопия в романе — вещи из разных времен, с разным временем жизни и существующие в различных темпоральных режимах или, как сказал бы Джон Урри, в разных временах [Урри, 2012]. В этом смысле каждая гетеротопия, как учит Мишель Фуко, одновременно предполагает и гетерохронию [Фуко, 2006, с. 200–201].

Важным моментом в романе Барнса является то, что конструкция «Англии, Англии» начинает «трещать по швам». Онтология острова строится вокруг напряжения между конструктивизмом и реализмом. Будучи собранной из разнородных акторов, малая Англия начинает жить своей жизнью, которая не соответствует планам «Питко». Параллельно Марта переживает персональную «диалектику просвещения»: «Почему в жизни все шиворот-навыворот?.. Почему же счастья все нет и нет?» [Барнс, 2012, с. 266]. Сопrotивление материалов на острове проявляется различным образом. Настоящий король начинает приставать к несовершеннолетней Нелл Гвинн. «Доктор Джонсон», который должен веселить и развлекать Гостей острова, превращается в настоящего доктора Джонсона, раздражающего Гостей. Актеры-контрабандисты занимаются реальной контрабандой. Наконец, ключевая фигура проекта Робин Гуд и его разбойники ведут партизанскую жизнь, соответствующую их предназначению, в частности, отказываются от соевого мяса и начинают охотиться на животных, завезенных «Питко» на остров. Диалектика Просвещения может привести к непоправимым последствиям: «Мятеж Шайки? Даже подумать страшно. На Робин Гуде все держится. Убери его, и остров рухнет. А вдруг пример окажется заразительным? Вдруг его величество решит, что жаждет царствовать и править всерьез, или, если уж на то пошло, королева Боадия сочтет короля наглым узурпатором, чей род приперся на готовенькое с Континента? Что если немцы сочтут уместным выиграть „Битву за Британию“? Последствия просто невообразимы. А малиновки? Вдруг им разонравится снег?» [Там же, с. 310–311].

Здесь следует пояснить, как связана онтология «Англии, Англии» с социальной антропологией. Почему остров — это утопический проект именно социальной антропологии? Говоря об утопии, мы вслед за В. Вахштайном говорим о способах воображения сообществ

в социальной антропологии, а не о несуществующих сообществах [Vakhshtayn, 2014]. Утопическое воображение антропологии, как будет показано ниже, осуществляет выработку и реализацию ряда концептуальных принципов при конструировании гетеротопных сообществ, хотя воображение антропологов корректируется и ограничивается сопротивлением акторов.

Социальная антропология — это дисциплина, в которой изучаются сходства и различия между сообществами [Эриксен, 2014]. Следует совершить краткий экскурс в неполную, запутанную и дискретную историю дисциплины. При этом периодизация, которая здесь предлагается, конечно же, условная. Антропологии предшествует протоантропология, — смутные времена, когда формировались основные идеи, позднее составившие ядро дисциплины. Исследование «антропологии до антропологии» сводится к поиску отцов-основателей, среди которых называют Эсхила с софистами, Христофора Колумба с Бартоломе де Лас Касасом, Мишеля Монтеня и Жана Жака Руссо.

222

Собственно социальная антропология начинается с колониального этапа в конце XIX в. В это время антропологи пытаются наладить коммуникацию со странными сообществами для их эксплуатации и просвещения. Мотивирующей исследователей силой выступает романтическая тяга к открытиям, приключениям и путешествиям.

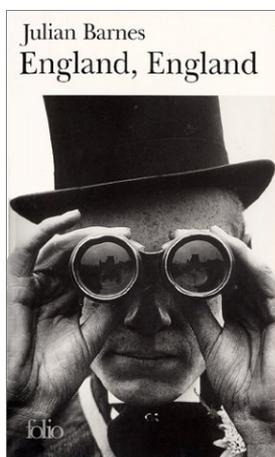
Следующий период начинается после Второй мировой войны. Условно его можно назвать экологическим. Деятельность антропологов обусловлена осознанием хрупкости традиционных культур. Ключевой идеей является идея консервации примитивных групп для того, чтобы приостановить их уничтожения колониальными режимами. Ярким представителем экологического периода является Клод Леви-Стросс, — друг индейцев, считавший дикарей, не извращенных благами цивилизации, настоящими людьми. Апогеем такого подхода можно считать бесконтактное исследование недавно открытых племен в бассейне Амазонки с помощью беспилотных летательных аппаратов.

К 1980-м в условиях политики неоконсерватизма сформировалась так называемая внутренняя антропология, этап переключения внимания на профессиональные, этнические, гендерные и иные сообщества внутри западной цивилизации. С помощью этнографических методов исследуются ученые в лабораториях, пациенты и врачи госпиталей, пассажиры и водители маршрутных такси и т. д. Этот период отмечен значительным сокращением бюджетов антропологических кафедр и факультетов и вынужденным поиском симбиотических форм существования с бизнесом и властью. Антропологи руководствуются теперь в исследовании не романтикой, а прагматикой. Наконец, в XXI в. намечаются контуры новой

антропологии — «антропологии без людей» в рамках поворота к материальному [Whitehead, 2012; Helmreich, 2009].

Итак, в романе Джулиана Барнса «Англия, Англия» освящается ряд ключевых для социальной антропологии утопических идей. В первую очередь это идея консервации сообщества: остров — это *suigeneris* «человеческий зоопарк» (П. Слотердаjk). В этом смысле антропологи — это те, кто создает и затем искусственно поддерживает исследуемые объекты. Кроме того, гетеротопная английскость в романе выступает предельной концентрацией аутоиммунного интереса внутренней антропологии к самой себе. Остров как музей и как туристический парк хорошо иллюстрирует союз социальной антропологии с бизнесом и властью. В учебнике Алана Барнарда «Социальная антропология: Исследуя социальную жизнь людей» в разделе «Социальная антропология и ваша будущая работа» дается список профессий, которые может выбрать антрополог после обучения. Среди прочих здесь присутствуют такие профессии, как «музейный работник, социальный работник, посольский служащий, сотрудник госаппарата, сотрудник СМИ, сотрудник туристической фирмы» [Барнс, 2012, с. 35-36]. Все эти антропологические профессии-функции можно найти в романе в штате компании «Питко».

223

В романе «Англия, Англия» речь идет о двух разных перспективах конструирования английских традиций. В первом случае «английское» создается сверху специалистами-антропологами, обслуживающими интересы транснациональных корпораций. Во втором случае игры, пословицы и праздники рождаются в повседневной жизни обитателей забытой старой Англии, так сказать, снизу, без участия бизнеса и науки. Возрожденный праздник, который описывается в последней части романа, также представляет собой ассамбляж, собранный из разнородных компонентов. На короно-

вании Майской Королевы в поселении, где живет Марта Кокрейн, оркестр играет музыку кубинского танца конгу, «Британских гренадеров», «Мыльные пузырики-ки-ки-ки», «Пенни Лейн» «Битлз», «Правь, Британия, морями» [Барнс, 2012, с. 365–366].

Итак, в романе мы имеем дело с двумя разными утопиями и с двумя разными способами их создания. Какая конструкция прочнее? Этот вопрос Джулиан Барнс оставляет открытым. Возможно, внимательный читатель сам найдет на него ответ.

Библиография

Барнард А. (2009) *Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей*, М.: ИЭА РАН.

Барнс Дж. (2012) *Англия, Англия*. М.: Эксмо ; СПб.: Домино.

Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*, М.: ИД ВШЭ.

Фуко М. (2006) *Другие пространства. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, М.: Праксис : 191–204.

Эриксен Т.Х. (2014) *Что такое антропология?* М.: ИДВШЭ.

Helmreich S. (2009) *Alien Ocean: Anthropological Voyages to Microbial Sea*. Berkeley: University of California Press.

Vakhshtayn V. (2014) Towards microsociology of utopia: beyond utopian imagination and everyday practice. *Recent Trends in Social and Behaviour Sciences*. ICIBSoS.

Whitehead N.L., Wesch M. (eds) (2012) *Human No More: Digital Subjectivities, Unhuman Subjects, and the End of Phenomenology*. Boulder: University Press of Colorado.

224

References

Barnard A. (2009) *Social'naja antropologija: issleduja social'nuju zhizn' ljudej [Social Anthropology: Investigating Human Social Life]*, М.: IJeA РАН.

Barnes J. (2012) *Англия, Англия [England, England]*. М.: Jeksmo ;SPb.: Domino.

Eriksen T.H. (2014) *Что takoe antropologija? [What is Anthropology?]*, М.: Izd. dom Vysšej shkolyj ekonomiki.

Foucault M. (2006) *Drugie prostranstva [Of Other Spaces]. Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. [Intellectuals and Power: Selected Political Papers]*, М.: Praksis : 191–204.

Helmreich S. (2009) *Alien Ocean: Anthropological Voyages to Microbial Sea*. Berkeley: University of California Press.

Urry J. (2012) *Sociologija za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija [Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century]*, М.: Izd. dom Vysšej shkolyj ekonomiki.

Vakhshayn V. (2013) Towards microsociology of utopia: beyond utopian imagination and everyday practice. *Recent Trends in Social and Behaviour Sciences*. ICIBSoS.

Whitehead N.L., Wesch M. (eds) (2012) *Human No More: Digital Subjectivities, Unhuman Subjects, and the End of Phenomenology*. Boulder: University Press of Colorado.